

МЕЖДУ ДЕМОКРАТИЕЙ И ХРИСТИАНСТВОМ: РОМАН ВЛАДИМИРА КОРМЕРА «НАСЛЕДСТВО»

Рассматривается роман В. Кормера «Наследство», посвященный политическому и религиозному диссидентству 1960–1970-х. Выявляются как демократические, так и христианские настроения, существовавшие в неофициальной среде, характеризуются различные идеи преобразования России, преломляемые в произведении. Констатируется актуальность романа для нашего времени.

Ключевые слова: диссиденты, демократия, христианство, полемика, нравственный фактор.

Роман В. Кормера «Наследство» (1970–1975) – явление неофициальной русской литературы и посвящен настроениям, характерным для диссидентской среды 1960–1970-х годов. Отличительная особенность произведения – изображение не только политического, но и религиозного диссидентства в многофигурном их представительстве. «...Разнообразие мировоззренческих голосов, звучащих в романе», соединяет его с «великой традицией русского философского романа XIX века в той ее “полифонической” ипостаси, которая представлена романным творчеством Достоевского» [3, с. 5].

Какой-то единой сплоченной силой, имеющей общий центр, диссидентство отнюдь не было, показывает писатель, – возникли лишь небольшие группы единомышленников или единоверцев, часто не знавших о существовании других и как бы выпадавших из советской системы, следующих не характерным для нее и даже преследуемым устремлениям; но в совокупности их было не так уж мало, хотя и разрозненных, старавшихся не привлекать к себе внимание, чтобы не подвергнуться преследованиям. Во всяком случае так обстояло в Москве, на которой в основном сосредоточен В. Кормер. В «Наследстве» появляется такой персонаж, как Вирхов, интересующийся подобными людьми и подобными настроениями, мечтающий стать писателем и собирающий материал для книги, которую хочет написать, а в ней предполагает дать картину жизни страны обобщающего социально-экономического и культурологического характера. Это не автобиографический персонаж в полном смысле слова, и дан он хотя и с симпатией, но не без юмора и иногда даже не без иронии, ибо это – укореняющийся в Москве провинциал, пусть и оппозиционных настроений, и многое он слышит впервые, раскрыв рот. Возможно, этим В. Кормер стремился показать, насколько нехарактерны для советского общества были описываемые им явления. Главное же, что он подчеркивает, – то, что люди самостоятельно, никем не направляемые, в общении и спорах друг с другом

ищут некие прогрессивные идеи и верования, которые можно противопоставить отрицаемому и, основываясь на каковых, следует менять общество. Но тех, кто, как пишет Игорь Виноградов, «составлял цвет и славу нашего диссидентства, – людей типа Сахарова, Солженицына, Владимирова, Буковского, Войновича и др.»[1, с. 5], – на страницах романа нет. Лично автор, как и его герой Вирхов, с ними не был знаком, в их круг не входил, и предпочитает писать о том, что видел и слышал сам, – логика повествования здесь в том, что и изображаемые диссидентствующие группы никакой связи с вышеназванными не имели, далеко не все до них доходило, да и вообще авторитет «главных диссидентов» 1960–1970-х сформировался не сразу – до поры многим эти имена ничего не говорили. Да и их сила была в большей степени в критике неприемлемого, а позитивная программа (если была) в определенных аспектах сама могла вызывать критику. А люди, пробивающиеся к новому самостоятельно, в изолированной среде, неизбежно допускают и ошибки, абсолютизируют свои взгляды, не ищут компромисса с людьми других взглядов, что потенциально содержит в себе опасность нового диктата, если они придут к власти. Поэтому у В. Кормера диссидентская среда дана реалистически, без приукрашивания, в стремлении показать как сильные, так и слабые ее стороны, что для времени создания произведения необычно, ведь сочувствующими принято было воспринимать и подавать диссидентов как героев. Между тем у В. Кормера это люди как люди – с безусловными достоинствами, но и недостатками.

Из «Наследства» явствует, что чаще оппозиционные группы возникали вокруг фигуры человека, незаконно репрессированного в сталинские годы, прошедшего тюрьмы и лагеря и реабилитированного в хрущевские времена. Жизнь его была сломана, власти он не верил, ожидая от нее всего, и нередко избирал путь несотрудничества с системой, своеобразной самоизоляции, надеясь при этом условии оставаться свободным. Такого жадно расспрашивали о пережитом, смотрели на него как на мученика и героя, перенимали его взгляды. Собирались у когото, не боявшегося предоставить квартиру для сборищ, за скромным ужином с выпивкой беседовали, спорили, набирались ума. Так, показаны сборища у Ольги Веселовой, где главная фигура – диссидент Хазин, вокруг него группируется молодежь. Изучая уроки прошлого, она стремится жить не по лжи – не на словах, а в реальности. «...Новые друзья почти не скрывали своих мыслей о <...> Суть была именно в самой жизни... и их собственной жизни, какую они хотели отныне для себя строить. Они не просто знали что-то, не просто отыскивали книги и находили там подтверждение своим чувствам, но они решились распространить это свое понимание на ж и з н ь в ц е л о м , свою и чужую, говорили, что<...> не сделают и шага в в е р х , что предпочитают бедность карьеризму и благополучию людей, тоже все знающих и ни во что не верящих, но тем не менее из корыстных побуждений стремящихся

<пробиться наверх>. Потому что каждый шаг в в е р х в любой области, в любой самой абстрактной сфере деятельности казался им <предательством идеалов, необходимостью молчать, принимать злодеяния и ошибки власти, вообще вышестоящих, чтобы продвигаться к более высокому и лучше оплачиваемому социальному положению>» [3, с. 35]. Можно сказать, это были идеалисты, решившие не ждать, пока общество изменится, а уже сегодня самим жить праведно, несмотря ни на что. На новом историческом витке часть из них избрала такую ценность, как толстовство, и связанное с ним опрощение. Рассказывается о группе молодых семейств, которая добровольно поехала в деревню, чтобы нести в массы культуру, но выдержала только два года из-за отсутствия элементарных бытовых условий: купленный дом не выдерживал зимний холод, хотя топили с утра до вечера, постоянно мерзли, дети болели, пеленки и одежду просушивать не успевали, не хватало и дров, а, будучи честными, воровать из лесу не хотели; плохо было с продуктами; все время, свободное от работы в школе, уходило на бытовое выживание; уже почти не читали; во внешнем виде, выполняя грязные работы, невольно опустились, что особенно было видно по женщинам. К тому же никакой поддержки «со стороны», в том числе моральной, не было, наоборот: на приезжих, променявших Москву на деревню, смотрели как на «сдвинутых» или дураков, никакой культуры набраться у них не старались. В конце концов благое начинание потерпело крах.

Остававшиеся в Москве старались на свой лад жить «простым трудом», занимая самую маленькую должность, чтобы меньше зависеть от начальства, и посвящая основное время творчеству. «Они все писали, – говорится в романе. – Собираясь, они читали друг другу написанное: эссе, робкие, неумелые переводы из неизданных на русском языке экзистенциалистов или наброски к каким-то большим будущим вещам. Уже пьяные – пили много – хвалили друг друга, радуясь такому удачному сочетанию стольких талантов сразу, в одной точке, заранее мысленно как бы распределили роли, подумывая и о том, как лучше всего переправить эти вещи за границу, и не выждать ли еще время, чтобы вновь слишком быстро не угодить туда же, откуда они только что вернулись, ибо все это была, конечно, подпольщина, и никто из них не помышлял серьезно выступить в легальной печати» [3, с. 35]. Сочиняли и Ольга Веселова, и ее рано умерший муж, подорвавший в лагере здоровье, и подруга Ольги – до времени – Таня Манн. Единственная, она решилась подвергнуть написанное критике как не имеющее эстетической ценности, но была осуждена обиженными и вынуждена от группы отойти.

Действительно, любой, вступивший на литературную стезю, всегда рискует не состояться, даже если он свободен. Ведь человек еще не проверил на этой стезе себя и сам не знает: получится из него писатель или не

получится, хотя, конечно, надеется на это. Одной свободы, сколь она ни важна, для творчества недостаточно. Требуется сочетание многих условий: конечно, это талант, каковым люди наделены в разной степени (или вообще обделены им), основательная образованность (без чего на философский уровень осмысления жизни вряд ли поднимешься), способность меняться, развиваться (может быть, и освобождаясь от определенных заблуждений), готовность к самокритике (без чего нет движения вперед), нравственная чистоплотность (не позволяющая сбиться с избранного пути). А кроме того, для любой книги немаловажна и проверка ее необходимости (либо ненужности) читателю. Самодеятельные авторы-диссиденты, показанные В. Кормером, лишены такой возможности и переоценивают себя, еще более раздражаясь на окружающий мир (каковому не нужны считающие себя гениями).

Однако, пусть не эстетической, а социокультурной значимостью литературные труды показанных диссидентов обладают: они преломляют определенные настроения, существовавшие в обществе, но не имевшие выхода на поверхность, и представляют интерес для социологов и культурологов, почему В. Кормер на этом и останавливается.

ИХазин, на которого по выходе из лагеря молились, начинал с рассказов, напоминавших притчи с довольно наивной моралью, думал создать большую вещь, осмысляющую и суммирующую его опыт, но с ходом времени все более убеждался сам, что не рожден для литературы. Между тем он был энергичен, но долго не находил применения своим силам. Все его затеи (типа огородничества, на которое он сможет жить и содержать семью) проваливались. Но все-таки нашел себе единомышленников, связанных с «Голосом Америки» и «Би-би-си», и вскоре его имя стало звучать по «голосам» как имя видного будто бы оппозиционера, и Хазин безмерно возгордился, стал называть себя лидером русской демократии. Между тем уже повзрослевшая молодежь, набравшаяся жизненного опыта, общаясь с ним, видела, что кроме общих слов, никакой реальной программы демократизации России у Хазина нет, ничего нового и важного он предложить не может, без конца пересказывает неопитам истории из своей лагерной жизни, которые они уже знают наизусть. Помимо того, Хазин уже два года не работает – только числится в одном из институтов и ходит туда лишь получать деньги – его устроил туда фиктивно начальник отдела Целлариус, сочувствующий диссидентам и поверивший, что Хазин – крупный деятель русской демократии, которого нужно поддержать материально. Хазин же всем этим пользовался и к тому же делал начальнику гадости – таскался в институт пьяный, нес, что попало, поджег какие-то плакаты, отчего у Целлариуса неприятности, и по требованию Первого отдела он уволил Хазина. По «Голосу» же «Свободы» это будет преподнесено как преследование инакомыслящего. Поэтому отношение к

Хазину диссидентствующей молодежи уже отнюдь не уважительное, напротив, полунасмешливое, тем более после того, как выясняется, что тот с е л с л у ч а й н о , то есть попал под общий репрессированный каток 1930-х, а сам реально ничего направленного против власти не сделал. Ольга Веселова говорит все-таки появившейся у нее Тане Манн:

«...– Какова молодежь? Ты помнишь, как их травили? А теперь? Это мы с тобой, дуры, считали нужным спать с этими идиотами, потому что они вернулись из лагеря и мы держали их за героев! А этим уже все равно. Они их в грош не ставят!»[3, с. 37].

Касаясь же фигуры вознесшегося без особых оснований Хазина, возмнившего себя бог знает кем – без реальных дел, Ольга сравнивает «позднего» Хазина с Петенькой Верховенским из романа Ф. Достоевского «Бесы». Тот, создав небольшой кружок социалистов, врет им, что это лишь одно из разветвлений огромной организации, имеющей связи с заграницей, с Internationale, вообще всячески обманывает, что есть полная уверенность в успехе их дела, да и от запугивания и прикрикивания не отказывается, признаваясь Ставрогину: «Я вам говорю, он у меня в огонь пойдет, стоит только прикрикнуть на него, что недостаточно либерален»[2, с. 404]. И Хазин, вспоминает Ольга: «Так он горел, так ждал, пока у него будут единомышленники, так презирал нас за бездействие... А теперь, когда эти единомышленники появились, то что же оказалось? Вздор! <...>

– Нет, а самое главное, – снова перебил ее Митя, – что все это, в сущности, о б м а н . Ведь что он обещал? А что сам сделал?» [3, с. 39].

Ответ: ничего, никакой оппозиционной партии в стране нет – как и раньше, одни разговоры о необходимости борьбы.

Кроме того, настаивая на важности свободы, своих сторонников права выбора, то есть реальной свободы, Хазин лишает: они должны во всем подчиняться ему, а то будут обвинены в недостаточном либерализме. Ольга Веселова выражает неприятие диктата в словах: «Меня хотят заставить делать то, чего я не хочу! <...> Почему если кто-то думает иначе, чем они, то это уже подлость, это приспособленчество?! Это трусость? Я хочу быть человеком со своим мнением и жить, как я хочу, а не как они хотят... А то как они говорили, когда бегали с этим письмом в защиту Иркиного хахаля? Нас, видите ли, не интересует, почему ты подписываешь и о чем ты при этом думаешь! Подписывая, ты становишься просто с о ц и а л ь н о й е д и н и ц е й и в качестве таковой только и имеешь значение...»[3, с. 40].

Неэтичен тот факт, что подписываемое письмо без согласования с хозяйкой принесли к ней домой, когда было довольно много людей и кто-то мог донести, так что у Ольги возникли бы неприятности; он свидетельствует об игнорировании интересов и желаний конкретного человека, а ведь та новая Россия, о которой пекутся диссидентствующие, состоит из конкретных

людей, но, получается, за абстракциями им не видных. Достижение своей цели признается более важным, чем судьба тех, кого «подставляют».

Вместо извинения Хазин поносит Целлариуса:

«— ... Ты понимаешь, б..., что я и д е о л о г р у с с к о г о д е м о к р а т и ч е с к о г о д в и ж е н и я или нет?! <...> Ты понимаешь, что я за вас всех кладу голову?!

— Иди ты на хер, — сказал тот без особой злобы, лишь с некоторым раздражением... — Двести миллионов хочет осчастливить, говно. А одному человеку можно за это на голову...» [3, с. 48].

Все же, в отличие от Петеньки Верховенского, Хазин — действительно пострадавший и не притворяется, а искренне хочет перемен, хотя и завышает свое значение (зарубежные похвалы вскружили ему голову) и действует, не считаясь с другими. Еще и к власти не пришел, а уже всем рот затыкает.

Пусть описываемое и не совсем бесовщина — это, по словам Мити, «хазинщина»: допущение исключения из сферы политической борьбы нравственного фактора, когда это «потребуется», то есть политический цинизм.

Поддерживает Митю эссеист, который говорит: «Во всем этом я замечал присутствие некоторой антикультурной тенденции, присутствие отвратительного мне нигилизма. Я Хазина ценю как мужественного человека, но я не принимаю этого разрушения жизни» [3, с. 44]. Если основываться только на отрицании, глобальной критике всего русского, то ведь люди лишатся всех ценностей, а это приведет к упадку жизни и культуры.

Звучат голоса:

«... Еще вопрос, осталось ли что-нибудь...» [3, с. 44], ибо отрицание негативного у некоторых перерастает по всеотрицанию, полный нигилизм, расправу с Россией, будто бы не имеющей никаких достижений, и ничего не давшей миру.

То, что звучало только в некоторых диссидентских квартирах, в 1990 годы вышло и на страницы печати, вызвав возмущение диссидента же Владимира Максимова, выразившего его в эссе «Поминки по России» (1993), где он писал:

«... Какая корысть, каков расчет, какие комплексы заставляют заморского Бориса Парамонова и отечественного Виктора Ерофеева, вполне, казалось бы, психически нормальных людей, страстно доказывать своей многомиллионной аудитории, что у России никогда не было ни истории, ни культуры, а была, как утверждает та же Новодворская в тех же журналах <каковую В. Максимов критиковал и раньше — за «смердяковщину»>, “историческая клякса, нонсенс, несданный урок” » [5, с. 54].

В резонансе с Ф. Достоевским В. Максимов заявляет: «...берусь утверждать, что в наше время нигде, ни в цивилизованной, ни в нецивилизованной стране, никто и никогда не позволит безнаказанно напечатать и произнести вслух ничего подобного ни об одной истории ни одного народа... А вот о русских и России можно. Но я также берусь утверждать, что до бесконечности плевать в лицо целому народу безнаказанно не придется. Рано или поздно расплата наступит...»[5, с. 54].

Так что В. Кормер ничего не выдумал, напротив, первым привлек внимание к одной из негативных – нигилистических – тенденций в российском демократическом движении, из чего вытекает и все остальное.

Страстно и негодуя отвечает Хазину на страницах романа Митя:

«... Это ужасно, это самое ужасное, что только можно придумать! Это вырождение! Вам должно быть стыдно. Как же так?! Ведь есть же и такое понятие как р у с с к а я с в я т о с т ь?! Вы же верите в Бога! Неужели вы думаете, что она могла исчезнуть в русской земле? Неужели вы полагаете, что пророчества великих русских были ложны? Когда Достоевский говорил о народе-богоносце, мог ли он ошибаться? Нет, нет, я уверен, что нет! Это замутнено, и вы не видите за этой мутью ее лика. Но вы просто не понимаете ее. А я вижу, я чувствую, что Россия избранница, избранница между остальными народами. Вы посмотрите сейчас на Запад. Он, конечно, решает свои проблемы успешно, но разве вы не понимаете, что и он чувствует, что внутри себя он не решит проблемы устройства мира. История, он чувствует это, зависит сейчас от него в очень малой степени. Он ждет, что произойдет с Россией, тут что-то зреет, тут совершаются какие-то процессы... И он дождется!.. Потому что Россия взяла на себя грехи мира, да, потому что никому как ей, не дано такого дара понимать другие народы! <...>

– Неужели вы правда верите в это? – спросил Мелик из своего угла.

– Верю ли я? – побледнел Митя. – Я не только верю, я строю на этом свою жизнь...» [3, с. 44].

Через высказывания данного персонажа в романе утверждаются такие ценности, как русская святость и всечеловечность. Это то наследство, которое получено от предков и которое сохраняет свою значимость, дает понять автор. Вновь цитируется Ф. Достоевский: «Наш русский удел, как сказал Федор Михайлович Достоевский “всечеловечность”» [3, с. 53]. Как, однако, это понимать и непосредственно реализовать?

Разгорается спор и скандал, едва не доходит до драки, что, впрочем, для изображаемой среды характерно.

Хазина упрекают в том, что свою критику он доводит до абсурда. Подчеркивается, что крайне важны нравственные принципы, которые кладутся в основу любой доктрины. Предполагается избрать такие принципы, «из которых никаким манером нельзя было бы, доведя их до логического конца, извлечь кровавых последствий. Коммунисты, как мы

знаем, вообще не боятся этого... Христианские принципы тоже допускают такую интерпретацию. Недаром коммунизм – это и есть перевернутое христианство»[3, с. 45]. Существует христианский социализм. Последователь буддизма Захар доказывает, что в данном отношении наиболее миролюбивое учение – буддизм.

Другие же, тем не менее, предпочитают христианство, хотя и подходы неоднозначные, показывает В. Кормер. Высказывается даже точка зрения, что политика должна быть христианизирована.

При всех гонениях на православную церковь, при которых храмы закрывались, а тысячи священнослужителей находились в лагерях, с верой в Бога в СССР покончено не было. Оставшиеся на свободе «ушли в катакомбы», находили поддержку у представителей простого народа. Даже жена крупного чиновника, Варвара Николаевна, помогает скрываться отцу Ивану, напутствует его словами:

«Мы, оставшиеся, должны сберечь свет Христовой Церкви в этих новых ужасных гонениях. Тьма подступает со всех сторон, но Свет светит во тьме. Несите этот Свет. Мы сделаем для вас все. Найдем вам убежище. Ничего не бойтесь, предателей среди нас нет. Поддерживайте людей, укрепляйте их веру, наставляйте их во взаимной любви, будьте им духовным руководителем. Исполняйте то, к чему вы призваны Господом»[4, с. 114].

Пришедший на встречу с отцом Иваном и тоже скрывающийся епископ предсказывает: будет война, она уже близко (имеется в виду Вторая мировая война).

«Государство должно будет опереться на Церковь. Без нее народ ему не поднять...»[4, с. 115]. Данный аспект почти не учитывается при характеристике Великой Отечественной войны, а он достаточно важен. Церковь внушала, что защита Отечества – святое дело, как бы благословляла на битву с фашизмом. Нельзя сказать, что она была полностью восстановлена в своих правах – находилась под контролем государства, и тем не менее начала функционировать.

В хрущевские времена были реабилитированы многие священнослужители, оставшиеся в живых вернулись к своей пастве. К церкви потянулась значительная часть интеллигенции (а не только простого народа). Для одних это было скрытой формой оппозиционности, другие открывали незнакомый для себя мир. Увлеклись и русской религиозной философией – в романе упоминаются и устами персонажей цитируются В. Соловьев, П. Флоренский, С. Булгаков, Н. Бердяев, Г. Федотов, Л. Шестов. Вместе с тем Таня Манн, с которой познакомился Вирхов, говорит: «Сейчас, кого ни спроси, обязательно будет богослов или специалист по делам Русской Церкви. Этого всегда так ждали, на это так надеялись, и вот сейчас, когда это происходит, видно, как это ужасно! Это так быстро стало модой,

стало так доступно... как бы уже и неприлично: интеллигентный человек и вдруг не...» [3, с. 33] (женщина недоговаривает, но ясно: не верующий). Сама Таня Манн – искренне верующая, и то, что для нее – святое, а для других – просто мода, женщина воспринимает болезненно.

К тому же она, как и некоторые другие, официальной РПЦ не доверяет, тянется к неофициальным ее кругам, которые тоже появились.

Таня – траппистка, хотя имеет контакты с людьми других конфессий. Именно она сводит Вирхова с различными почитаемыми представителями неофициальной церкви; он лучше узнает и эту сторону жизни. Первый из описываемых им деятелей церкви – отец Владимир. К нему тянутся неопиты, ищущие ответы на имеющиеся у них вопросы. Публика здесь разная.

Описывается группа лиц, которые решили креститься, «но обязательно только в старообрядческой церкви. Чистоты хотят. Эта церковь, видишь ли, продана Антихристу, а та нет» [3, с. 57], – разъясняет Вирхову постоянный посетитель отца Владимира Мелик. При воссоздании обстановки квартиры отца Владимира и других представителей церкви всегда подчеркивается большое количество книг и икон в доме. И действительно, отец Владимир – человек хорошо образованный, и не только в истории религии. Побывать у него и получить благословение считается честью.

Вот что отец Владимир отвечает на вопрос, что такое Армагеддон:

«– Армагеддон... Имеется в виду поражение ханаанских царей при Мегиддо. Мегиддон находится в Галилее, недалеко от Назарета. Сказано: “Сразились цари хаанские у вод Мегиддонских, но не получили нимало серебра”. В Откровении Иоанна Богослова говорится, что готовящееся последнее сражение с Антихристом окончится для него тем же, чем был для царей ханаанских Армагеддон, то есть решительным поражением!» [3, с. 56].

Также интересуются отношением церкви к науке, каковая многие положения религии опровергает. И на это есть у отца Владимира ответ:

«...Бог дал человеку мир во владение для того, чтобы человек осваивал этот мир, преображал бы его. Наука играет в этом не последнюю роль. Почитайте книгу “Философия хозяйства” отца Сергия Булгакова. Не читали? Очень рекомендую. Хотя, конечно, нужно предостеречь и от излишнего преувеличения ее роли. Человек ведь обладает удивительной способностью извратить вообще все, чего ни коснется» [3, с. 57].

За этим проступает стремление церкви примирить науку и религию. Главное все же, по-видимому, заключается в том, что наука должна быть нравственной и нести ответственность за свои изобретения перед человечеством. Ведь наука не только продвинулась вперед, скажем, в области медицины и излечения от болезней, каковые раньше считались смертельными, но – и в создании средств массового уничтожения. В предотвращении конфликтов церковь могла бы сыграть свою роль, но в

данном отношении в современном мире не особо влиятельна. Главное, говорит отец Владимир, – «суметь остаться человеком и не забыть Бога»[3, с. 57].

Касаются и вопроса «конца света». Отец Владимир цитирует философа Георгия Федотова, согласно которому, «нужно жить так, как будто завтра конец мира, а работать, творить, как будто впереди вечность...»[3, с. 58]. Замечает он, что люди всегда ждали «конца» света, их собственная эпоха представлялась им самой страшной и греховной, самой апокалиптической; последующие же поколения над этим только усмехались.

Все-таки нужно готовить себя к «концу света» (пусть он все время переносится) и жить добродетельно, – внушает отец Владимир.

Один из «своих» поднимает проблему: допустимо ли верующему христианину, интеллигенту, работать в советском учреждении, где царит атеизм, или нравственнее выйти как бы за черту «нормальной жизни».

«– В Писании сказано: “Кесарю кесарево, а Богу богово”, – отвечает отец Владимир... – А этот антикультурный нигилизм, он чрезвычайно вреден»[3, с. 59–60], и явно намекает на Хазина, тоже у него бывавшего.

Всякая же власть (получается, и атеистическая), согласно Писанию, – от Бога. Не все в этом понятно, это Тайна Божественного Промысла, заключает отец Владимир.

Нельзя не обратить внимание, что в большинстве случаев отец Владимир отвечает подходящими цитатами. В старину таких называли «книжники». Более того, выясняется, что он внимательно следит за всеми появляющимися религиозно-философскими новинками, ранее запрещенными работами. Другими словами, чтобы сохранять статус почтенного религиозного деятеля, он следит за модой в данном аспекте жизни. Это становится понятно из сцены появления в узком кругу оставшихся, доверенных лиц отца Владимира, иностранца.

Обсуждаются новые формы существования церкви, которые соответствовали бы современному, «изменившемуся с тех пор, как было проповедано Евангелие, миру»[3, с. 63]: и в России, и на Западе. В частности, западный гость в неканоническом ключе трактует известное высказывание Ф. Ницше «Бог умер». Согласно Гри-Гри, человек всегда боялся Бога, но был прикован к Нему. И Бог, воплотившийся в «Иисус Христос», убил себя, полностью освободил человека от страха перед трансцендентным, от своей власти – это его искупительная жертва: «Трансцендентный бытие угнетает человека. Только без него мы обретаем свобода. Всевышний Бог видьел это и в акте своей неизреченный любви к грешный человек... уничтожил сам себя»[3, с. 65].

Таня Манн подхватывает это высказывание со ссылкой на Баллармина, который доказывал, что «Бог хочет дальнейшего развития человека, и опыт

Средних веков недостаточен, чтобы раскрыть человека во всей его полноте»[3, с. 66].

Конечно, могут быть разные точки зрения; но ведь отец Владимир – представитель РПЦ, незадолго до того вещал, что нужно жить по Писанию, церковь же тезис: «Бог умер» не принимает, а Гри-Гри он не возражает, чтобы не предстать отсталым, немодным, к тому же предполагая, что тот из некоего заграничного Ордена и желая иметь с ним контакт.

Так В. Кормер вскрывает и в какой-то степени спекулятивное использование религии в своих личных интересах, чтобы возвыситься, – хотя бы морально, прозвучать по «голосам».

Еще более критично его изображение официальной Русской православной церкви, в чем убеждается искренне уверовавший, получивший необходимые знания Мелик, вот уже 15 лет не могущий добиться рукоположения и исполнять церковные службы. Поневоле Мелик лучше узнал эту организацию. Она – под контролем Первого отдела: по согласованию с ним назначаются и высшие церковные чины, и устраняются неудобные; поощряется и стукачество, хотя исповедь должна оставаться тайной. Поведение некоторых служителей вне церкви – также не вполне нравственно, зато живут на полном обеспечении, разъезжают по заграницам на конгрессы по борьбе за мир. И только когда сломавшийся Мелек доносит на некоторых диссидентов в КГБ, он получает долгожданную церковную службу и исповедует Слово Божие.

Это объясняет, почему многие ищут необходимого им успокоения и наставничества сами, и в стране не так уж мало истинно православных. Есть и такие же честные священнослужители, например, отец Иван.

Пытающиеся жить во Христе, показывает В. Кормер, испытывают просветленную радость, как бы ни трудна была их жизнь. Вот признание Тани Манн:

«– Вот я и причастилась, наконец, – сказала она, подходя. – Как хорошо! Церковь Всех Святых, и все они были передо мной на большой иконе – и Владимир, и Серафим, и Сергей, и так радостно было увидеть в их толпе и Михаила Тверского, и Филиппа Московского, и Бориса и Глеба. Славные люди!»[4, с. 130].

Чувствуется, что русские святые для Татьяны – живые, главный пример для подражания и утешения: «Я ... не могу б е з н и х »[4, с. 130].

Таким образом, В. Кормер дает понять, что, несмотря на несамостоятельность церкви, такая ценность, как христианство (евангельское христианство), для многих жива и является опорой в трудных обстоятельствах бытия, определяет отношение к окружающему.

«... меня город раздражает»[4, с. 131], – говорит Тане Манн во время прогулки Вирхов. <...>

«Нет, – твердо сказала она. – Здесь тоже преображенный мир.

Смотрите, какой садик в переулке, – ведь это р а й , видите, совсем рай! <...>

Ведь что за Царствие внутри нас, если мы не видим его во всем? Где Бог – там рай, где нету, там неизвестно что»[4, с. 131].

Правда, Таня чрезмерно экзальтированная и совершает «странные» поступки, но взгляд на мир как творение Божие близок и автору, а, значит, требует и истинно христианского отношения к себе.

Надеждой на духовное возрождение страны завершает В. Кормер роман, изображая празднование Пасхи, причем людей так много, что всех церковь не вмещает. Звучат слова церковной службы, и завершает писатель произведения словами: «Благословен Грядый во имя Господне!...»[4, с. 110].

Христианство, по В. Кормеру, – то главное наследство, которое получено русским народом; несмотря ни на что, оно устояло,росло в души верующих, и христианский гуманизм как ценность, призванная вытеснить революционный (социалистический) гуманизм, подается как обнадеживающая историческая перспектива, хотя, учитывая, сколь многое испогажено, вряд ли все пойдет гладко, – своим романом как бы предупреждает В. Кормер.

Библиографический список

1. Виноградов, И. О В.Ф. Кормере и его романе «Наследство» / И. Виноградов // Октябрь. 1990. – № 5. – С. 3–7.
2. Достоевский, Ф.М. Собр. соч.: в 10 т. Т. 7 / Ф.М. Достоевский. – М.: Гос. издат. худож. лит., 1957. – 760 с.
3. Кормер, В. Наследство: роман / В. Кормер // Октябрь. 1990. – № 5. – С. 7–91.
4. Кормер, В. Наследство: роман / В. Кормер // Октябрь. 1990. – № 7. – С. 91–110.
5. Максимов, В. Поминки по России // Литература русского зарубежья. Третья волна эмиграции. — Киев: Рута, 2003. – С. 53–59.
6. Солженицын, А. Подлинная свобода / А. Солженицын. – СПб.: Азбука, 2015. – 320 с.